Глава 12. Неизлечимый безумец

В отдельном общежитии западного сектора Имперской военной академии Лорен укладывал вещи своего господина. Сам же молодой господин Му, по-хозяйски развалившись в кресле у окна, возился с портативным ИскИном.

Этот компактный ИскИн проецировал перед владельцем небольшую световую панель, позволяя с легкостью вводить и выводить данные. Благодаря прямому подключению к межзвездной сети функционал устройства был практически безграничным. В данный момент Му Жун был поглощен написанием программы искусственного интеллекта.

ИИ носил имя «Джуно». В прошлой жизни Му Жун создал его лишь после смерти Ляо Юйнина, пытаясь хоть как-то унять невыносимую тоску. В этой жизни Джуно суждено было явиться в мир гораздо раньше — исключительно ради того, чтобы помочь великому стратегу Му завоевать сердце своего возлюбленного.

— Господин, вы действуете слишком вызывающе, — заметил Лорен, не отрываясь от сборов. — Мне кажется, молодому господину Ляо не по душе столь громкие знаки внимания.

Му Жун неохотно кивнул:

— Ты прав. Нинин — человек строгих правил и безупречных манер. Он всегда вел себя скромно и уж точно не стремится к дешевой популярности.

— Тогда зачем вы это делаете?

— Потому что… — Му Жун отложил ИскИн и сокрушенно вздохнул. — Потому что мой Нинин слишком хорош. Желающих заполучить его слишком много.

Лорен про себя хмыкнул: «Так вы, оказывается, все понимаете?»

— Когда Нинин был на первом курсе, этот тип с факультета наземной бронетехники, Фелинс, прислал ему любовное письмо. Нинин тогда был совсем ребенком! Подлец Фелинс совсем стыд потерял. Если бы он уже не выпустился, я бы обязательно с ним посчитался! — Му Жун свернул световую панель и в гневе вскочил с кресла. — Поэтому сейчас я обязан обозначить свою позицию. Нужно отпугнуть любых потенциальных конкурентов.

Лорен помнил Фелинса — они были одногодками, тот выпустился сразу после шестого курса и сейчас служил в легионе Северной Короны. Но вот история с письмом… Он сам и слыхом об этом не слыхивал. Откуда господину известны такие подробности?

Неужели всё его былое безразличие к Ляо Юйнину было лишь игрой?

Му Жун тем временем продолжал делиться опасениями:

— К тому же в академии существует фанатский форум Ляо Юйнина. Там полно его обожателей.

При упоминании этого сообщества тон Му Жуна немного смягчился. Именно благодаря этому форуму в прошлой жизни он смог собрать так много видеоматериалов и фотографий своего кумира.

Лорен вынужден был признать правоту господина. Ляо Юйнин обладал не только выдающейся внешностью, но и блестящими успехами в учебе, а легендарное происхождение — он был потомком Бога Войны — лишь добавляло ему ореол исключительности. Форум поклонников, состоявший в основном из восторженных студентов, действительно процветал.

— И всё же, господин, если ваши действия вызывают у него лишь досаду, то игра не стоит свеч.

В делах сердечных важнее всего расположение самого объекта симпатии, всё остальное — лишь мишура.

— Знаю, — кивнул Му Жун. — Поэтому я уже заказал цветы. Завтра утром принесу ему личные извинения.

— Цветы? — переспросил Лорен.

— Золоточашечные розы с Лимина в сочетании с листьями серебристого ясеня — символа Империи. Нинину понравится, — Му Жун отвернулся к окну, за которым сгущались сумерки, и предался мечтам о светлом будущем. — Он так великодушен, что наверняка поймет мои чувства.

***

На следующее утро, открыв дверь своей комнаты, Ляо Юйнин увидел Му Жуна. Тот стоял в коридоре в парадном белом мундире академии с пышным букетом в руках.

В Имперской военной академии существовало два вида парадной формы: черная — для торжественно-траурных церемоний, и белая — для празднеств. По старой традиции именно в белом мундире студенты обычно делали предложение руки и сердца. Влюбленные обожали эту форму не зря: плотный, идеально сидящий материал, приталенный крой и безупречная выправка тренированного тела создавали образ, в котором мужество сочеталось с благородным изяществом.

Высокий и статный Му Жун, приближающийся с нескрываемым обожанием, выглядел невероятно эффектно.

К несчастью для него, Ляо Юйнин охарактеризовал это зрелище всего одним словом: «Псих».

Прошлой ночью Юйнин долго размышлял над ситуацией. Поведение Му Жуна явно выходило за рамки здравого смысла, а учитывая его спесивый и заносчивый нрав, рассчитывать на то, что пара отказов заставит его отступить, не приходилось. Юйнин морально готовился к затяжной войне.

«Хладнокровие, вежливая улыбка, твердый отказ и никакой надежды» — вот какой стратегии из шестнадцати знаков решил придерживаться Ляо Юйнин.

Му Жун, прождавший под дверью добрых полчаса, поспешил навстречу, едва завидев предмет своих мечтаний.

— Нинин, прошу, прости мою безрассудность. Я просто не в силах сдерживать чувства. Эта любовь лишила меня сна и покоя.

Голос Му Жуна дрожал от волнения. Ляо Юйнин в своей повседневной форме был именно тем человеком, которого он тысячи раз видел на записях в своей прошлой жизни. Но тогда это были лишь холодные пиксели, а сейчас перед ним стоял живой человек — он дышал, его сердце билось, и он мог чувствовать ту всепоглощающую любовь, что бушевала в душе Му.

Протянув букет, Му Жун взмолился:

— Нинин, позволь мне ухаживать за тобой.

— Простите, я не принимаю ухаживаний, — холодно отрезал Ляо Юйнин. — Старшекурсник Му, полагаю, в прошлый раз я выразился предельно ясно. Если эта любовь приносит вам страдания, советую найти другой объект для симпатии.

— Но я люблю только тебя, Нинин, — Му Жун и не думал сдаваться. Он смотрел нежно и с надеждой. — Ты можешь отвергать меня, но я никогда не отступлю. Моя любовь к тебе не иссякнет до конца моих дней.

По коже Ляо Юйнина пробежал мороз. Он развернулся и решительно зашагал прочь от этого возомнившего себя великим романтиком безумца. Му Жун хотел было последовать за ним, но Ляо Юйнин посмотрел на него с ледяной пронзительностью, буквально пригвоздив к месту.

Когда двери лифта закрылись, Му Жун обиженно пробормотал:

— Какой суровый.

Впрочем, он быстро пришел в себя.

— Джуно, ты всё снял?

Из-за спины Му Жуна вылетел сферический робот размером с кулак. Он спроецировал над полом голограмму Ляо Юйнина с тем самым ледяным выражением лица.

— Хотя Нинин прекрасен даже в своей холодности, — прошептал Му Жун, — было бы чудесно увидеть, как он мне улыбается.

***

Новость о том, что Му Жун без памяти влюбился в Ляо Юйнина после того, как тот спас ему жизнь во время аттестации, мгновенно разлетелась по академии. Слухи повергли всех в неописуемое изумление.

Сам факт того, что Му Жун способен влюбиться, казался чем-то из области фантастики, а уж выбор объекта страсти и вовсе не поддавался логике.

Старшекурсники прекрасно помнили времена, когда Юйнин только поступил в академию. Тогда Му Жун относился к нему с нескрываемым пренебрежением и высокомерием.

Позже, когда в День памяти Император лично выделил Юйнина среди прочих, а сам юноша доказал свою состоятельность блестящими успехами в учебе, отношение окружающих изменилось. Но только не у Му Жуна — он продолжал игнорировать талантливого младшекурсника.

И что же теперь? Обычная благодарность за спасение жизни стерла годы предубеждений, превратив презрение в глубокую страсть?

Студенты терялись в догадках.

Учитывая заносчивый нрав Му Жуна, никто не осмеливался расспрашивать его о переменах в душе. Всё внимание переключилось на вторую сторону конфликта.

Ляо Юйнин держался безупречно. Казалось, внезапная благосклонность Му Жуна ничуть его не задела. Когда близкие друзья в частных беседах задавали неудобные вопросы, он лишь смиренно отвечал: «Я глубоко польщен вниманием старшекурсника Му, однако на мне лежит груз надежд Его Величества. Сейчас учеба для меня важнее всего, поэтому я вынужден ответить отказом».

Слова звучали благородно, но каждый понимал истинный подтекст: «Му Жун сошел с ума, и я не собираюсь участвовать в этом балагане».

Несмотря на решительный отпор, Му Жун продолжал свои настойчивые атаки. В академии уже начали принимать ставки на то, увенчается ли этот любовный марафон успехом.

— Наш непобедимый староста Му наконец-то наткнулся на каменную стену.

— Ха-ха! Чем сильнее Му Жун громил Ляо Юйнина в тренировочных боях раньше, тем тернистее будет его путь к сердцу Юйнина сейчас.

— Старшекурсник Ляо, держись! Мы за тебя!

Из-за тяжелого характера Му Жуна большинство студентов с удовольствием наблюдали за его неудачами. Впрочем, находились и те, кто втихомолку порицал Юйнина за «напускную скромность» и «неблагодарность».

Сам же Ляо Юйнин, внешне оставаясь спокойным, внутри буквально закипал от ярости. В один из вечеров в тренировочном зале он решил бросить вызов самому себе и установил в камере десятикратную гравитацию.

— А-Нин, остынь, — Линь Ци загородил панель управления. — Десятикратная перегрузка для тебя сейчас — это слишком!

— Со мной всё в порядке, — бросил Юйнин.

От изнурительных тренировок его тело было напряжено до предела, а лицо из пунцового стало мертвенно-бледным. Несмотря на это, он упрямо повторил:

— Дай мне попробовать.

— Нет! — Линь Ци оставался непреклонен. — Твой организм не выдержит. Полопавшиеся сосуды — это полбеды, ты же просто можешь не выйти оттуда живым.

— Хм… — Юйнин внезапно обмяк, его плечи опустились, и он тяжело привалился к стене. — У меня же есть ты. Дотащишь до лечебной капсулы — и буду как новенький.

Линь Ци сочувственно похлопал друга по плечу:

— А-Нин, не загоняй себя так.

— Эх… — Юйнин горько вздохнул. — Я сейчас во сне вижу, как становлюсь сильнее. Чтобы выйти, задать этому типу трепку и велеть ему держаться от меня подальше.

«Глубоко польщен и смиренно благодарен»?

Ничего подобного. В характере Юйнина никогда не было раболепия или излишней скромности. Вся его нынешняя сдержанность проистекала лишь из осознания недостатка сил. Именно поэтому сейчас он жаждал стать сильнее как никогда прежде.

— Если тебе претит внимание Му Жуна, просто игнорируй его, — посоветовал Линь Ци. Он слишком долго дружил с Юйнином, чтобы верить в возможность их примирения. — У восьмых курсов уже началась защита дипломов. Потерпи еще месяц, и он уедет.

— Надеюсь… — невнятно пробормотал Юйнин. Какое-то мрачное предчувствие подсказывало ему, что этот безумец так просто его не отпустит.

Тем временем Му Жун, заполняя заявление о зачислении в штат академии, светился от счастья: «Как чудесно! Ближайшие два года я смогу провести рядом с моим Нинином!»

http://bllate.org/book/17435/1663446